

САША ОКУНЬ
КАМОВ И КАМИНКА

РИПОЛ Классик Москва, 2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-526

Окунь, Саша

О-526 Камов и Каминка / Саша Окунь. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 384 с. — (Редактор Качалкина).

ISBN 978-5-519-65165-3

Два художника — две судьбы. В прошлом лучшие друзья Михаил Камов и Александр Каминка встречаются после многих лет разлуки в Иерусалиме, а путь их начинается еще в андеграундном богемном Ленинграде пятидесятих годов прошлого века, где красивые женщины проповедуют свободную любовь и даже полковник КГБ становится ярым поклонником прогрессивного искусства.

Один художник станет скучным конформистом, а другой сохранит веру в творчество и победит скуку, доказав, что гораздо важнее на самом деле быть, чем казаться.

Этот роман написан в духе лучших вещей Дины Рубиной и обладает долгим «послевкусием» настоящей качественной прозы!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-519-65165-3

© Окунь А., текст, 2015
© Журавлев К., оформление
обложки, 2015
© Издание. Оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2015

Bepe

Любое сходство персонажей с существующими в действительности людьми является исключительно случайным и не имеет к ним никакого отношения.

За помощь, поддержку, советы, критику — поклон и благодарность И. Губерману, М. Иванову, М. Киммер, Ю. Киму, А. Михелевой, Р. Нудельману, Д. Рубиной, Л. Улицкой

ПРОЛОГ

Эта ночь ничем не отличалась от той, что была вчера, будет завтра и еще пару, а то и три ближайших месяца. Тучная, отдышливая, липкая, она заставляла обитателей легкомысленного города на восточном побережье Средиземного моря и после захода солнца дышать плоским, безличным воздухом кондиционера. И оттого, что окна были наглухо закупорены, рассвет был лишен многих важных своих признаков: оживленной переключки пернатых, терпкого запаха мокрого газона, деловитого шуршания шин по влажному асфальту, шелеста листвы, пробужденной утренним бризом. Не было запахов, не было звуков, и, как в кино со вдруг сорвавшейся звуковой дорожкой, только безмолвное изменение световой шкалы извещало о наступлении очередного, такого же, как и ночь, безвыходно душного, потного, жаркого дня. С трудом просочившись сквозь вязкую темную ткань небосвода, первые солнечные лучи подожгли тонкие веточки антенн на высотном здании Кольбо Шалом, вслед за ними вспыхнули окна верхних этажей, и огонь потек вниз, к мелким трех- и четырехэтажным коробкам, беспорядочно разбросанным вокруг рынка Кармель между Кольбо Шалом и набережной. Добравшись до второго окна слева на семнадцатом этаже, луч нырнул внутрь, толкнул дремавшего

в кресле за письменным столом пожилого человека в мятой голубой рубашке с короткими рукавами и, проведя быструю ревизию нехитрой обстановки — компьютер, телефон, календарь, — побежал дальше. Человек зевнул, потянулся, разведя в стороны пухлые, поросшие мягкими рыжеватыми волосками руки, взглянул на часы, еще раз потянулся, зевнул, потер глаза, встал и неторопливо пошел на кухню. Он был выше среднего роста и довольно полон той красивой барской полнотой, которая не портит человека, но напротив — придает ему вид вальяжный и к себе располагающий. Приготовив эспрессо, он положил в чашку ломтик лимона, вернулся, скользнул взглядом по стене слева от окна, на которой светились несколько мониторов с еще темными и пустыми переулками рынка, и прошел в другую комнату. За окном, внизу, докуда хватало глаз, сливаясь на горизонте с мутным серо-голубым ватным небом, расстилалась гладкая, без единой морщинки сатиновая простыня моря. Справа — такая же дрянь, как новый Арбат, подумал человек, с наслаждением втянув первый глоток кофе, — вдоль набережной торчали одинаковые прямоугольники отелей, слева далеко золотились старинные здания Яффы, а между ними россыпь этих стандартных баухаусовских коробок с их бесхитростной геометрией прямоугольных освещенных стен, черных провалов окон, горизонтальными полосок жалюзи, вертикалями антенн, цилиндрами водяных баков, треугольниками теней и диагоналями коллекторов на крышах.

«Какая все-таки разница, — глядя на медленно просыпающийся город, продолжал меланхолично

рассуждать человек. — Оба — результат довольно абсурдного волевого акта, оба у моря. Только один — кто это сказал, Фальк, Лифшиц? — пафос великолепно организованного пространства, а другой, господи прости, архитектурное непотребство». Он вспомнил слова Вагановой, которая на вопрос, почему ленинградский балет лучше московского, ответила: «Когда мои девочки идут в школу, они видят архитектуру, а что они видят в Москве?» И хмыкнул: «Да, у этого города долго не будет приличного балета. И ведь гордятся: столица Баухауса... — Он ловко отправил плевков в горшок с разлапистым несуразным кактусом в углу комнаты. — Вот оно, истинное воплощение тоталитаризма, куда там сталинской готике и гитлеровскому неоклассицизму...»

Требовательная дробь телефонного звонка прервала его размышления. Отправив в рот последний глоток кофе, он проворно скользнул в другую комнату и снял трубку:

— Да... Слушаю... Все под наблюдением... Нет, я ведь говорил, что вчера не было ни малейших шансов на то, что они появятся. А сегодня эти шансы есть... Не знаю, может, и через неделю, но, скорее всего, сегодня. Не беспокойтесь. Куда им деться... Да, уверен. Разумеется, отвечаю... Непременно.

Он положил трубку, поставил пустую чашечку на стол и снова подошел к окну. Внизу занимался обычный летний день. Шины автомобилей оставляли темные полосы на влажном асфальте. Человек посмотрел на часы.

— Не терпится ему, — пробурчал он.

Вернулся в комнату, подошел к столу, открыл ящик, вынул «беретту», сунул за пояс сзади, потянулся, пробормотал: «Глупые старые сукины дети» — и широко, со вкусом, зевнул.

Собственно, текст, который вы только что прочитали, скорее смахивает на начало триллера средней руки и совершенно не подходит правдивой, серьезной и даже в каком-то смысле трагической истории, которую мы вознамерились вам поведать. Тем не менее мы начнем нашу историю именно так, как начали, и тому имеются свои резоны, которые мы вовсе не собираемся от читателя скрывать, напротив! Причиной (одной из, если быть точными, а мы стараемся быть точными) написания этой книги является не только желание, начиная с самого начала и до самого конца, довести до сведения читателя историю, свидетелями которой мы были, но и желание поделиться с ним своими соображениями о вещах, которые представляются нам достаточно серьезными, чтобы осмелиться претендовать на внимание и время занятого (а кто сегодня не занят?) человека, и достаточно забавными, чтобы его немножечко развлечь (а кто в этом не нуждается?). Но как читатель сможет поверить в правдивость этой самой истории, увлечься, отдаться ей, смеяться и плакать, если в душу его закрадется подозрение, что автор неискренен с ним до конца, что он кой-чего скрывает, не договаривает или,